

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

ПАРАДОКСЫ ЛЕГИТИМНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ СООБЩЕСТВЕ

Л.Ю. Бронзино

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10/2, Москва, Россия, 117198

Легитимность является базовым элементом современного политического устройства, однако она содержит в себе ряд противоречий, которые препятствуют попыткам создания рационального государственного устройства на основе демократии. Статья посвящена анализу данных противоречий.

Ключевые слова: легитимность, легальность, парадоксы демократии.

Легитимность — соответствие политической власти основным ценностям большинства общества и его устремлениям. Легитимным является любое правление, которое отвечает критериям относительно долговременного общественного согласия с ним, восприятия его людьми как оправданного, должного, оптимального [4. С. 569]. Из этого с неизбежностью следует: в современном мире легитимность является неотъемлемой чертой любого цивилизованного государства, которое хочет быть уверенным в том, что граждане будут жить в соответствии с создаваемыми им законами. Очевидно, что сегодня право на насилие, которое остается базовым признаком государства, не сможет эффективно создавать общественный порядок (в самом широком смысле слова), если граждане не будут со своей стороны уверены в том, что этот порядок выгоден и справедлив для них, т.е. не будут доверять своей власти.

Именно в таком контексте выступает сегодня понятие легитимности, которое, будучи по сути довольно абстрактным, конкретизируется по отношению к непосредственной социальной реальности в действительный способ взаимодействия власти и общества. При этом его абстрактность дает возможность осмыслить разнообразные социальные институты (с социологической точки зрения) и различные аспекты базовых общественных отношений (с социально-философской точки зрения), попадающие в исследовательскую область данного понятия через его специфический аспект. Тогда легитимность как социальный феномен современ-

ного общества может выступать как критерий реальной социальной эффективности не только властных структур, но и других общественных институций.

Однако легитимность в качестве критерия для оценки социальных явлений и структур действует весьма неоднозначно, если не сказать — противоречиво. Ее субстанциальную основу характеризует представление о том, что «глас народа — глас божий», народ обладает неким врожденным чувством справедливости и исключительно чуток относительно того, кто действительно заботится о его благе, и только такому правителю оказывает высокое доверие. Реальная история не раз опровергала эту идеальную модель, когда неожиданно выяснялось, что просвещенные и цивилизованные народы разделяют в первую очередь отнюдь не прекрасные, но, в точности как кроличье мясо, «легкоусвояемые» идеи, среди которых наиболее популярны и по сей день — бытовой национализм, склонность к «поиску врага», эгоизм и пренебрежение правами другого. Теоретически популярность такого рода идей была обоснована Т. Адорно, получившего в результате исследования авторитарной личности портрет «потенциально фашистского индивида» и установившего, что склонность к разного рода предрассудкам имеет массовый характер, причем распространена она среди вполне обычных представителей благополучных стран, а вовсе не является отличительной характеристикой разного рода социальных изгоев [1].

Все это выводит проблематику легитимности на первый план социальной рефлексии, которая должна обосновать связку легитимности с легальностью и моральностью, поскольку сама она есть единство этих двух главных способов регуляции человеческого поведения.

Подобное определение легитимности есть результат длительной философской рефлексии, которая, на каждом этапе своего развития оценивая состояние отношений между обществом и властью, предлагала варианты должных способов этого взаимодействия. В ходе этого длительного мыслительного процесса происходил сначала процесс формирования понятия легитимности, его проблемной сферы, а затем — его кристаллизация, позволившая сформулировать базовые принципы не только его философского осмысления в современной науке, но и метод его реализации и оценки в социальной практике начала XXI века.

Сегодня под легитимностью понимают результат принятия обществом институционализированных практик социальной жизни, в первую очередь государства, однако это относится и к другим социальным институтам, роль которых возрастает с формированием гражданского общества и трансформацией коммуитаристских ценностей в индивидуалистские (процесс, происходящий в сегодняшней России).

При этом философская рефлексия, сформулировавшая представления о легитимности, зафиксировала вместе с тем и ряд противоречий, касающихся теории и практики легитимности.

В современном мире утрачиваются базовые представления о легитимности как основанной на представлении об общей воле, связанной с Разумом, выраженной в законодательной деятельности избранных (лучших!) народных пред-

ставителей, ориентированных на общее благо, чье право на создание регулирующих общество правил следует периодически «проверять», исходя из результатов их деятельности. И заменять, если эти результаты не совпадают с представлениями об общем благе.

Легитимизированное социальное устройство в постпросвещенческом понимании находило свое ясное выражение в конкретной организации социальных институтов. Главным из них и контролирующим все остальные было, разумеется, государство, получавшее эксклюзивное право на создание регулятивной базы для всех прочих сфер социальной жизни. И именно оно в первую очередь нуждается в легитимизации как постоянном подтверждении своих полномочий на такую исключительность. Подходящий способ для этого существует только один — демократическая форма правления. Этот факт добавляет в наше исследование легитимности ряд новых парадоксов, связанных с самой демократией, начиная от тех, что были зафиксированы сразу после первого действительного опыта демократии — Французской революции, — наглядно показавшего, как быстро власть народа трансформируется в «тиранию большинства» и оборачивается жесточайшей диктатурой. С одной стороны, «Франция является страной, которая именно благодаря революции изобрела для мира демократическую культуру и во всей ясности открыла миру основополагающее значение одной из линий сознательного исторического действия» [9. С. 62]. С другой — в ходе революции становится предельно ясно, как определенными группами, выражающими или думающими, что они выражают мнение большинства, узурпируется право выступать от имени народа и «демократически» отправлять на гильотину всех, кто не согласен с осуществляемыми демократическими преобразованиями.

«Тирания меньшинства», под которой обычно понимают возможность присвоения власти элитами в связи с тем, что простые граждане, как правило, мало интересуются политикой и не вникают в суть предлагаемых им политических программ. Это означает, что существенным для развития демократических институтов является способность народа к пониманию своей пользы, общего блага и к целерациональному действию вообще. Современную версию решения этой проблемы предлагает, например, Д. Сарттори. В его понимании она сводится к идее о том, что демократии сегодня стоит опасаться утраты оценочного аспекта в понятии «элита» и в самой процедуре выборов: «Термин „отбор, подбор“... постепенно подключается к термину „выбирать, избирать“ (когда слово „выборы“ становится специфическим термином для обозначения акта голосования) в передаче идентичного значения: отбирание, избирание, выбор по признаку совершенства или пригодности. В нынешнем языке политики все эти коннотации либо утрачены, либо подвергаются нападкам. Термин „выборы, избирание“ сведен к одному лишь значению — просто акта голосования. „Отбор, подбор“ означает едва ли что-то большее, чем простое волевое предпочтение, да и то лишь когда его не толкуют превратно, в предосудительном смысле, как проявление „дискриминации“. Следовательно, на нашем языке „избранные“ — это просто лица, которые в результате голосования прошли на должности; а слова о том, что избранные

должны быть „отобранными“, скорее поразят наш слух как избыточная синонимика, чем будут восприняты как ценностно значимая оговорка» [6. С. 721].

«Другой менее известный парадокс — это *парадокс демократии*, или, более точно, правления большинства, состоящий в возможности большинства решить, что править должен тиран» [5. С. 329]. К. Поппер, автор приведенной цитаты, утверждает, что такой подход, возникший из «очарования Платоном», привел философскую мысль к идее о том, что демократия ценна не столько в качестве способа правления, дающего наилучшие результаты, сколько сама по себе. Это означает, что в представлениях о наилучшем социальном устройстве превалирует понятие легитимности — одобряется большинством, следовательно, является наилучшей. Тогда вопрос не в том, кто будет править, а в том, «как нам организовать политические убеждения, чтобы плохие и некомпетентные правители не нанесли слишком большого урона» [5. С. 161]. Веберовский подход к рациональной демократии является наилучшим из возможных ответов на этот вопрос, поскольку деперсонализует политическую систему и делает абсолютно бессмысленным выбор действительно лучших — необходимы лишь компетентные в пределах, определенных должностными обязанностями. Заметим, что подход, ориентированный на веберовский, по крайней мере теоретически осуществляется в США. Тогда удастся избежать описанного выше парадокса, но возникает новый.

Принцип ценности демократии самой по себе — безотносительно к результатам, которых она достигает, — своеобразная «тирания демократии» — вроде бы как раз и является тем способом, который позволяет создать бюрократическое устройство веберовского типа. Однако практическая его реализация трансформирует идеальный тип до неузнаваемости, придавая ему прямо противоположное значение. Деперсонализированная и анонимная бюрократия вырождается в антидемократический, ориентированный исключительно на собственные интересы институт, а когда она начинает заботиться «о благе народа», на практике это означает в лучшем случае, что она превратно это благо понимает, поскольку уверена в некомпетентности народа относительно его собственных потребностей. Такого рода парадокс отчетливо проявился в современном обществе.

Американская версия демократии получила мировое признание в качестве образца после того, как с падением социалистической системы сформировался «однополярный» мир и открылись истинные масштабы глобализационных процессов. Мировое сообщество столкнулось с необходимостью сформулировать принципы «единственно верного», пригодного для всех способа осуществления власти. В том, что таким режимом должна стать либеральная демократия, ориентированная на принцип прав человека, никто на Западе не сомневался. Теоретически это обосновано в идее «конца истории» как борьбы идеологий и политических и экономических режимов, провозглашенного Ф. Фукуямой, который полагал, что глобализация ведет к реализации утопии о справедливом обществе: «Разворачивающийся технический прогресс, оказывая поступательное и формирующее влияние на национальные соединяет их в огромное мировое хозяйство... Высокий уровень благосостояния, обеспечиваемый технологически ориен-

тированным капитализмом, в свою очередь служит питательной средой для либерального режима всеобщего равноправия, в установлении которого борьба за человеческое достоинство достигает своей кульминации. Следует признать, что многие общества с немалым трудом вводили у себя демократические институты и свободный рынок, а другие, особенно на территории бывшего коммунистического лагеря, быстро скатились обратно к фашизму и анархии. И тем не менее у развитых стран мира не осталось иной перспективной модели политической и экономической организации, кроме демократического капитализма» [8. С. 13—14]. Однако американская версия — наиболее агрессивная, далеко не всеми старыми европейскими демократиями разделяемая и предполагающая абсолютно парадоксальную возможность навязывания демократического устройства любыми средствами включая военные — не вызвала однозначного одобрения.

Глобализация, безусловно, не есть процесс, сознательно направляемый из некоего центра — будь то в Европе или Америке. Она представляет собой закрепление тех тенденций в мировом социальном опыте, которые прошли длительную апробацию и в результате эволюционного развития показали свою эффективность. В этом смысле она схожа с процессами институционализации, при которых легитимизируются лишь те социальные практики, которые были наиболее простым и эффективным способом действия в определенной сфере, направленном на реализацию жизненных потребностей индивидов и социальных групп.

Понимаемая в таком ракурсе глобализация не есть навязывание стереотипов деятельности со стороны сильных, пытающихся использовать свои преимущества перед слабыми, а лишь распространение, причем произвольное, наиболее удачных образцов жизненных практик. Проблема только в том, как на мировом уровне договориться об образцах, поняв друг друга и не подозревая друг друга в скрываемых эгоистических целях. Может быть, стоит просто подождать момента, когда образец начнет «говорить сам за себя» и станет очевидно «наилучшим из возможных»? Во всяком случае, об этом способе известно, что он работал в рамках институционализации национальных государств. Таким образом можно избежать взаимных подозрений и «срывов» в легитимизации идеи глобализации, поскольку они возможны только тогда, когда легитимизация осуществляется умышленно — «сверху», чему немало способствует и многообразная практика манипуляций общественным мнением, создания «ложного сознания».

Очевидно, что изложенная выше модель — идеальная теоретическая конструкция. Фактически именно наиболее агрессивный образец универсальных культурных ценностей и получил наибольшее распространение. В политической сфере он актуализирован в виде американской модели либеральной демократии. Произошло это на фоне активного роста американской экономики, и следует признать, что трансформация ценностно-нормативной сферы общественной жизни легче всего воспринимается сознанием на фоне роста материального благополучия. Институты взаимно легитимизируют друг друга — в данном случае это произошло с политикой и экономикой, базирующихся на науке и образовании, впоследствии подтянулась и культура всеми прокливаемого голливудского типа. Так, глобали-

зация трансформировалась в американизацию, которая, по сути, и подвергается сегодня столь всеобъемлющей критике.

Таким образом, целый ряд парадоксов легитимности связаны с демократией как единственным отчетливо нуждающемся в легитимации способе общественного устройства, имеющим большое число внутренних противоречий. Процессы глобализации, как связанные с распространением демократических ценностей, так и относящиеся к неполитическим сферам общественной жизни, порождают новые парадоксы легитимности и сами нуждаются в легитимации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. — М., 2001.
- [2] *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // http://humanities.edu.ru/db/msg/31400#sn_34
- [3] *Волков Ю.Г., Лубский А.В., Макаренко В.П., Харитонов Е.М.* Легитимность политической власти (Методологические проблемы и российские реалии). — М., 1996.
- [4] *Политология.* — М., 2004.
- [5] *Поннер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. — М., 1992.
- [6] *Саттори Д.* Пересматривая теорию демократии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. — Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. — М., 1997.
- [7] *Стиглиц Д.Ю.* Ревущие девяностые. Семена развала. — М., 2005.
- [8] *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. — М., 2004.
- [9] *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. — М., 1995.

LEGITIMACY PARADOXES IN THE GLOBALIZING COMMUNITY

L.Y. Bronzino

Sociology Chair
Social Sciences and Humanities Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklai str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Being the cornerstone of the contemporary political system, legitimacy, however, incorporates a number of discrepancies which block the endeavors to develop a rational form of government based on democracy. The article provides the analysis of the discrepancies involved.

Key words: legitimacy, legality, democracy paradoxes.